

НОВИНКИ • СОВРЕМЕННОСТИ •

Таймураз Хаджеты
ГОЛОС ВЕТРА

**Отсканировано
в марте 2011 г.**

НОВИНКИ √ СОВРЕМЕННОСТИ

Таймураз Хаджеты

ГОЛОС ВЕТРА

СТИХОТВОРЕНИЯ

Перевод с осетинского
Дмитрия Ушакова

МОСКВА
«СОВРЕМЕННОСТЬ»
1987

84Кав7
X14

Рецензент Э. Балашов

Хаджеты Таймураз.

X14 Голос ветра: Стихотворения /Пер. с осет. Д. Ушакова. — М.: Современник, 1987. — 80 с. — (Новинки «Современника»).

Стремление к философскому освоению современности сопрягается в творчестве Т. Хаджеты с экскурсами в историю родного народа. Строки, обращенные к событиям Великой Отечественной войны, смыкаются со стихами-раздумьями о мире на нашей планете, об извечном противоборстве добра и зла.

Своеобычны и пейзажные стихотворения Хаджеты — яркостью образного ряда, прозрачностью красок, своей соотнесенностью с жизнью и судьбой человека.

X 4702470000 — 155 266 — 87
M106(03) — 87

ББК84Кав7

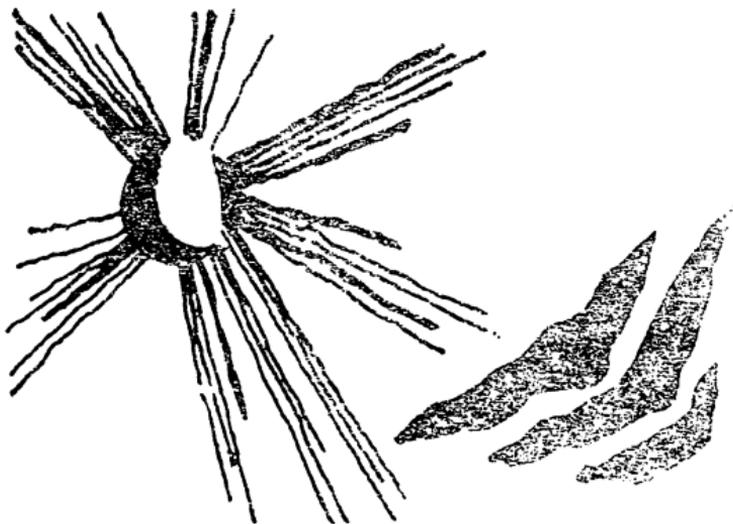
Читателю

Случайно в руки взяв мои стихи,
Увидеть можешь в них несовершенства.
Но между строк внимательно вчитайся,
Чтобы понять, о чем мои раздумья
И почему так трогал осторожно
Я сердце незнакомое твое.

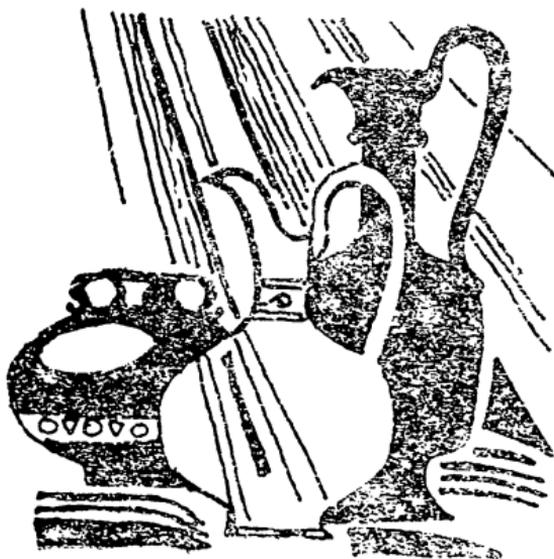
Когда же в одиночестве с любимой
Развлечь захочешь ты ее стихами,
То не спеши листать страницы споро,
Не торопись:
Я их писал в дорогах
Под волчий вой и посвисты пурги.

Читатель мой, я написал так мало
О доблести, о подвигах в бою.
Но вслушайся в мой голос отдаленный:
В нем гнев к врагам
Земли моей родимой,
Призыв — всегда готовым к битве быть!

Я знаю, что слова порой набатны,
Но, заглушая их, грохочет сердце,
Что под бешметом горца-осетина...
Душой влюбленной,
Радостью и болью
Все мои песни были рождены.

ИР—МОЯ РОДИНА

Иристон

Придет поименная слава потом...
Начало — мой крик в колыбели.
И сакля. И горные кручи кругом,
И белых вершин ожерелье.

Пугливая серна метнется с тропы,
Заденет о камень копытом —
И разом встают валуны на дыбы,
И горы рокочат сердито.

До жаркого солнца рукою подать,
Зверь ищет в ущелье прохладу.
С высот наших землю порой не видать,
А небо всегда с нами рядом.

Накроет олени рога водопад,
Орел заклеочет в тревоге...
Лишь верный скакун да надежный булат
Для горца — опора в дороге.

О прадедах песня в преданье вошла,
Хоть стерлись на тропах следы их...
Кинжал — для врага. А кизяк — для тепла.
Но память — вам, горы седые!

Быть может, ущелья метель заметет
И гул водопадов ослабит,
Но память о горцах она не сотрет —
О мужестве их и о славе.

В годину ненастья и доли лихой,
В годину страданий народа
Отважно пошли мои прадеды в бой,
И честь отстояв и свободу!

Я горец.

 Как мир ни велик, ни широк,
Он виден мне с горного склона.
И здесь моя Родина.

 Жизни исток, —
В горах моего Иристана.

Ровесник

Я родился в горах, где рассвет полыхал ярко-синий.
В том году, что так памятен людям огромной Земли...
Я родился в тот год, когда пушки замолкли в Берлине
И в родные аулы солдаты с чужбины пришли.

Но когда я подрос, то всю тяжесть утраты изведal:
Столько было сирот! И домов было столько пустых!
Столько храбрых солдат не увидело праздник Победы,
Но дано на всю жизнь одного мне запомнить из них.

В сон мой давний впервые пришел он — худой
и чубатый —
В посеченной свинцом гимнастерке и каске стальной,
И спросил он меня: «Ты готов стать, ровесник,
солдатом?»
Я ответил: «Готов!» И пошли мы за Родину в бой.

И вторично пришел он в мой сон — беспокойный,
тревожный.
На солдатских погонах пыль многих дорог и боев.
И сказал он: «Ровесник, в строю заменить меня
сможешь?»
Враг еще не разбит. Но прострелено сердце мое...»

Время горы сметает, моря выпивает до капли,
Между жизнью и смертью раздвигает границы свои...

**В сон приходит солдат. И я повторяю, как клятву:
«Мой ровесник, готов я продолжить за счастье бой»**

**Я из жизни уйду. Пусть об этом солдат не узнает,
Но он вечный ровесник всех тех, кого спас от огня.
И всегда кто-нибудь пусть ему отвечает:**

«Я готов в смертный бой! Положись целиком

на меня...»

Белый снег

Белый снег над Кударо,
Белый оползень на склоне.
Все ущелья промело,
От мороза камень стонет.

Сакля старая черна,
Только крыша побелела.
Сакля издали видна
Под скалой заиндеvéлой.

Поздний гость не постучит,
Нет путей от перевала...
Мышь соломою шуршит,
Да овца хрипит устало.

Старый горец угольки
В очаге сгребает в кучу...
Нарастает лед реки,
Нарастает снег на кручах.

Ни семьи, ни друга нет,
Дед совсем один остался:
Тот — покинул белый свет,
Тот — в долину с гор подался.

**Сыновья — по городам,
Он давно внучат не видел.
Пусть живут, коль лучше там, —
Старый горец не в обиде.**

**Стают зимние снега,
И рассвет забрезжит новый.
А весной — и река
Разломает лед метровый.**

Сельская мелодия

Закатилось красное солнце
За ребристую горную кручу.
День-ребенок устало клонится
На колени ночи дремучей.

По ущелью ветер рокошет,
Слышен голос речной воды.
На березах повисли клочья
Остывающей темноты.

В нашей сакле тепло и тихо,
Кот за печью мышь караулит...
А отец над моею книгой
Поседелые брови хмурит.

Мне характер отца известен:
Для него стихи — не работа.
Мол, легко слагаются песни,
А работа — она до пота.

И завидует он соседу
(Сын в ауле остался, я знаю...):
Вместе с сыном на пашню едут,
Вместе осенью хлеб убирают.

...Не прошу пуховой подушки,
Мягко спать давно разучился...
А стихи мои — не игрушка,
Я со словом в сердце родился.

Мог и я стать достойным мужем —
Преуспеть на любой работе.
Только больше я людям нужен,
Если песня моя в полете.

На кутане¹

Чуть потрескивают сучья,
Дым припал к земле.
Закипает круче, круче
Жирный суп в котле.

Месяц в облачном загоне,
Как теленок, желт...
Горячит огонь ладони,
Больно хорошо!

Щедр пастух на угощенье,
Скуп на разговор.
Камни катятся в ущелье
По ложбинам гор.

Пустословить не пристало
В полуночный час.
Стар пастух. Глядит устало,
С круч не сводит глаз.

Вспоминает он былое?
Думает о том,
Что завьюжит здесь зимою
Все кругом?
Что опять сгонять в долины
Тучные стада...

¹ К у т а н — горное пастбище.

Стар пастух гостепримный,
Свято чтит адат¹:
Он не спрашивает, кто я
И зачем я здесь...

Справа слышу крики соек² —
Счастье в жизни есть!

¹ А д а т — обычай предков.

² Счастлив путник, услышавший крики соек с правой стороны (*народное поверье*).

Свобода

Мечты людские только о тебе,
Но далеко твой горизонт, как прежде...
Кто не желал тебя в своей судьбе,
Кто не искал тебя в надежде?

Во всем ты есть. И нет тебя ни в чем,
И ты ничьей не утолила жажды...
Есть женщина любимая. Есть дом.
Есть друг. Но о тебе мечтает каждый.

На пир твой камень катится с горы,
Да застревает он на полдороге...
Спит человек или вершит пиры —
Он молится тебе, забыв о боге.

В воде форель пятнистая резва,
Но глаз мой верен и надежны руки:
Короткий всплеск — в ладонях лишь трава!
А где форель?
В воде...
Вот так-то, други!

Песня в пути

На исходе осень, на исходе,
Дни короче, ближе холода.
И мутнеет — к долгой непогоде —
В роднике прозрачная вода.

Хлюпает раскисшая дорога,
Под арбой опавших листьев вал.
Что взгрустнул ты, вол мой однорогий,
Или вспомнил зимний сеновал?

Для тебя ярмо я сладил точно
И подковы прочно подковал.
Торопись, мой вол!

Успеть до нóчи
Я своей любимой обещал.

Обещал. Но, видишь, припозднился,
Чтоб соломы с поля привезти...
Пир закатим мы, какой не снился,
Только ты меня не подведи.

Дотяни до сакли сквозь ненастье,
Но-мужски прошу тебя — скорей!
А иначе не видать мне счастья
И не петь с любимой моей.

Одинокая собака

Сгустились тучи. Небо накренилось
Над скалами, провалами ущелий.
Струя дождя на капли раздробилась,
По крыше прошуршала еле-еле.

Аул как вымер. Улицей пустынной
Бежит ручей, седые камни моет.
Кричит сова, но крик ее надрывный
Здесь больше никого не беспокоит.

Старуха ива дряхлый ствол горбатит,
Сырому полю не дожидаться плуга...
Собака кость изгрызенную схватит
И бегаёт по замкнутому кругу.

А то скулит, вздымая морду к небу,
Или рычит — кого она пугает?..
Давно хозяин в этой сакле не был,
Да и вернется ль — кто об этом знает?

Собака смотрит вдаль, за перевалы,
Часами ждет с восхода до заката,
Что застучат копыта, как бывало,
С коня хозяин спрыгнет, как когда-то.

За ним толпой заполнят саклю гости,
И снова жизнь продолжится как надо:
Ей вынесет хозяин туры кости —
За службу и усердие награду!

...Гуманной сырью затекли вершины,
И нет просвета в небе потемневшем.
И лишь ручей на улице пустынной
Все те же камни моет так неспешно.

В горском доме

Сползают туманы с предгорий,
Так тихо в ауле моем.
Огонь, отраженный во взоре,
Останется все же огнем.

Сестра, осторожно ступая,
Воды принесет со двора.
На стеклах снежинки не тают,
Студеная нынче пора.

Подбросим дровишек немного,
И вот уже ужин готов...
О чем говорим?

О дорогах,
Накрытых лавиной снегов.

О тех, кто в пути в этот вечер:
Пусть тропы отыщут они,
Пусть им полыхают навстречу
Аульские наши огни.

Пусть их не обходит удача,
Есть место за нашим столом...
Как много для путников значит,
Наш горский, приветливый дом!

Отцу

Ты ласкал меня раньше и редко, и скупо —
Так суров он, семейный обычай, в горах...
Но сегодня, отец, твои дрогнули губы
И слезинки в твоих заблестели глазах.

Я домой возвратился из дальней дороги,
Как желанного гостя ты встретил меня...
Говоришь, будто нет в твоей жизни тревоги,
На душе твоей радостней день ото дня?

Мы на старом ковре примостимся, как прежде,
Об учебе расспросишь, о жизни в Москве.
Я замечу, что ты улыбаться стал реже
И что больше сединок в твоей голове.

Ты таишь, что в реке утонула корова,
Что на новую денег едва ли собрать...
Я тебя понимаю, отец, с полуслова —
О заботах своих ты умеешь молчать.

Ну, а мать? Она скоро ли с фермы вернется?
Как здоровье ее? Ведь разлука — долгá...
Прибодрится отец и в усы усмехнется:
«Да вот чуть исхудала, поджидая сынка».

Свою долю искать за отцовским порогом
Повелело мне время. И я улетел
Из родного аула у горных отрогов,
От трудов повседневных, от земных его дел.

...Месяц, гривой качнув, в вышине заискрился,
Мать хлопчет у печки, пирог сторожа.
Вроде сердце спокойно — ведь сын возвратился,
Но уедет он скоро — заплачет душа.

Улетевшие дни наверстаешь едва ли,
Сыну выпали в жизни большие пути.
Не забыл он, чьи руки его пеленали,
Кто ему помогал до порога пройти?

...Поседели давно материнские кудри,
Так бела голова у отца от седин..
Мне бы так же прожить — беспокойно и мудро,
Ни на миг не забыть — чей я все-таки сын?!

Вещий сон

В ущелье узком ночью беспросветной
Метель тебе запорошит глаза,
И захолонет тело под бешмстом.
Куда идти — вперед или назад?

Но путь отрезан — и не сыщешь следа,
Крепчает ветер, губельно трубя.
И не понять: упрямство или беды
В скитанья эти увели тебя?

Ты вспоминаешь прошлое устало,
Переживаешь вновь за годом год:
Кто ждет тебя? Таких осталось мало,
Но кто-то все же неустанно ждет.

И вдруг как солнца луч из поднебесья:
Родная сакля, отблеск очага,
Мать на бешмете вышивает крестик,
Что от любого охранит врага.

Враз встрепенешься — вот оно, спасенье!
Глаза откроешь, радостно вздохнешь —
Гаким прекрасным было пробужденье...
А сон был вещим — ты потом поймешь.

Молчаливый разговор

Ветер щели от снега прочистит,
И опять за стеной тишина...
Пусть висит на березе безлистой
И качается мерно луна.

Возле печки пригрелся ягненок,
Месит тесто сестра, торопясь...
Раскрасневшись, как малый ребенок,
Наслаждаюсь покоем я всласть.

И в какой-то неведомой дреме
Мое сердце.

Слежу за сестрой:
Позабудь, что я гость в твоём доме,
Посиди, хоть минутку, со мной.

Словно воду, стряхнет она тесто,
Улыбнется приветливо мне:
Хорошо, что сегодня мы вместе,
Что ты вновь на родной стороне.

Молчалив разговор, да понятен,
Ее дети уснули давно
А с березы, белесой от пятен,
Смотрит лунное око в окно.

Две свечи на столе заалели,
Поздний ужин накрыт для двоих...
Неужели, сестра, в самом деле
Стал я гостем в пределах родных?

О себе

Балбóванным сыном у матери рос я,
И, может, поэтому нынче упряма...
Когда скакуна на дороге заносит,
Не всадник виновен — виновен он сам.

Балбóванный сын, я не видывал горя,
Сквозь долгие годы вела меня мать.
Не знал я, что жизнь — беспокойное море,
В котором придется не раз штормовать.

Для мамы я звездочкой был негасимой,
Она ж для меня — просто мамой была.
И знать я не мог, что в ту пору для сына
Она, голодая, кусок берегла.

Конечно, я помню, как печка трещала,
Как горек был дым от чинары сырой.
Как матери песня — мольбою звучала,
Чтоб сын не споткнулся в дороге крутой.

Я вышел на эту дорогу, я вышел,
Но редко бываю в родимом краю.

**И матери голос подолгу не слышу.
Винюсь. И вину понимаю свою.**

**Рожден на Земле я. Людей привечаю.
Весь мир — мой очаг, а хозяин — народ...
Но мама, но мама — все ждет меня, знаю,
Балбанным сыном доньце зовет.**

У пустой могилы¹

В пыли подорожник-малютка,
Сухая трава полегла.
И только ярка незабудка,
Что в камень могильный вросла.

Луч солнца, пронзая дернину,
Мерцает в пустующей мгле...
Ведь даже и пепла от сына
Не сыщешь в отцовской земле.

А ветер пшеницу качает,
И сойка кричит все больней.
Вот горе какое бывает
На вечной планете людей.

Откуда же эта могила,
О ком она память хранит?
Война ли солдата убила,
Иль в пропасть сорвался джигит?

Иль моря стихия шальная
Матроса взяла с кораблем?
Отец никогда не узнает,
И мать не узнает о том.

¹ В Осетии роют могилу и устраивают символические похороны и тому, кто пропал без вести.

А ветер пшеницу качает,
И сойка кричит все больней.
Вот горе какое бывает
На вечной планете людей.

Как часто в горах Иристана,
В ночи или в радостях дня,
Тоска материнского стона
Внезапно тревожит меня.

Спор жизни и смерти извечен..
Коль буду сражен я судьбой,
То в землю хотелось бы лечь мне
В горах, возле сакли родной.

А ветер пшеницу качает,
И сойка кричит все больней:
Погибших она отпевает
На вечной планете моей.

Сыну

Я немало познал в этом мире бурлящем,
Что смогу, передам по наследству тебе.
В прошлом — словом я жил. Им живу в настоящем,
Для меня даром солнца стало слово в судьбе.

Видел я, как плетут пауки свои сети,
И казалось, нет крепче, надежнее их,
Но легко паутину сметал горный ветер,
И она исчезала в ущельях глухих.

Видел я, как трава зеленеет по склонам,
Как уходит под снег она поздней порой.
Говорят, что бывает мир вечнозеленым,
Но я видел, когда он бывал ледяной.

Мудрецы не завидуют благу и злату,
Все же камень завидует бегу воды..
Есть добро на земле — эта истина свята --
Ты, сынок, для людей не жалея доброты,

Достучись, докричись, доберись до истоков,
Разбивай скорлупу, до ядра доберись!
Пусть познал в этом мире бурлящем я много,
Но не все я познал. Ты у жизни учись.

Мой предок

Нет, не писал стихов далекий предок,
Его рука не ведала пера
Не потому, что дар поэта редок, —
Поэзия всегда жила в горах!

Он был, как камень; тверд и непреклонен;
Как ветер, быстр, как барс, неутомим.
Конь и клинок — мой предок в Иристоне
Молился им и поклонялся им.

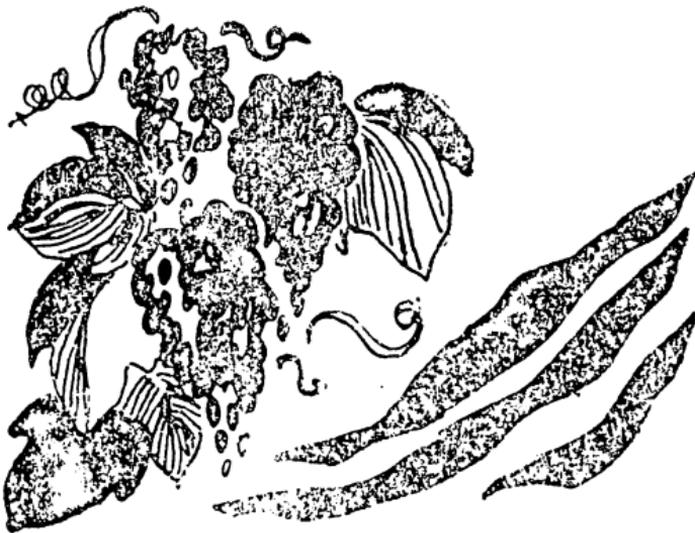
Он не жалел своей и вражьей крови
И на похлебку чести не менял.
И, кроме гор своих, свободы кроме —
Он в мире ничего не признавал.

Но был убит по злобному навету,
Предательски убит, из-за угла.
И род его — другому мстил за это,
Мсть кровная оттуда и пошла.

Не стану я точить кинжал для мести,
Мне песни братства ближе и милей...
Вот потому и славлю повсеместно
Союз сердец и доброту людей.

РИТМЫ СЕРДЦА

Стихи прощения

Как всегда, в предутреннем рассвете
Не стихает пенье петухов...
Только солнце в прошлом ярче светит,
Больше в прошлом радостей-грехов.

То ли сердце сильно ослабело,
То ли долгих лет стуслилась тень?
Но сегодня надо делать дело
Так, как будто в свой последний день.

Помахать косой — и то отрада
И цветы полить в полдневный час.
Обойти друзей сегодня надо,
Будто видишь их в последний раз.

Солнца бурка горячит и греет,
Но зачем тепло нам про запас?
Обними любимую сильнее,
Словно любишь в свой последний час.

И врагу прости его нападки,
Не желай беды ему и зла.
И простись с родными без оглядки,
Словно жизнь и впрямь к концу пришла.

**Было ль счастье — кто ответить сможет?
Вот и солнца поздний луч погас.
Поклонись земле.**

Она дороже

И милее

в твой последний час.

Девушка

Деревья шли степенно вдоль поляны,
Вершины в синеву небес подняв.
А над поляной колыхался пряный,
Такой щемящий, чистый запах трав.

...Она бежала мягко и беспечно,
Качалось солнце за ее спиной.
Казалось, что и лес бежит навстречу
Девчонке этой милой, озорной.

И лес звенел певуче и протяжно,
Он рад был свету, девушке, теплу...
Она ж, вбежав под купол листьев влажных,
Прижалась вдруг к огромному стволу.

И замерла...

Потом пошла неспешно,
Заахала, увидев муравьев.
Восторг и радость, удивленье, нежность
Перемешались враз в глазах ее.

Я ждал поодаль. Я не смел нарушить
Гармонию веселья и добра.
Я понимал: сегодня наши души
Доверчивее будут, чем вчера.

Плыл гуд пчелиный над поляной росной,
Засеребрились яркие цветы.
Мне показалось — голубые звезды
Слетели с поднебесной высоты.

А солнце, по вершинам гор шагая,
Сгоняло с круч отары облаков...
И пел скворец.

И девушка, вздыхая,
Смотрела на созвездия цветов.

Откровенье

Свет глаз влюбленных молод и горяч,
Но молодость твоя еще моложе...
Когда бы жеребец летел мой вскачь,
Догнал бы он тебя.

Но нет, не сможет.

Прощай навек! Очаг свободен твой,
Про боль мою не знать тебе, не ведать...
Так будь достойна выдуманной мной —
Не принеси другому те же беды.

Утрата

Над аулом вьюга воеет, злится,
Все пути-дороги замело.
Значит, будет осенью пшеница
Хороша на склонах Кударо.

Значит, летом солнца будет вдоволь,
Все ущелья вытеплит оно.
И тогда вернусь к родному дому,
Где меня заждались так давно.

Лишь тебя не будет, дорогая,
Ты другому сердце отдала.
Мне о том напомнит, пролетая,
Ласточка — и два ее крыла.

Я с одним крылом теперь остался,
Как мне дальше, дорогая, жить?
Биноват ли, что к тебе примчался,
Да не смог любовь опередить?

Яблоня-дичок на горном склоне
В серебристом свадебном цвету..
Оттого, наверно, сердце стонет,
Что к тебе дорогу не найду.

Наша молодость

Может быть, позабыть ты меня не сумеешь,
Потому что я был предназначен тебе...
Только сердце мое никогда не согреешь,
Нашей встречи не будет в разлучной судьбе.

Моя молодость шла по твоим перекресткам,
Что убежищем были мне в горе не раз.
Ты была справедлива, ты добра была просто;
Разделил я с тобою и радостный час.

Снег укроет легко черногрудые скалы,
Снова солнце растопит весной ледники,
И пробьется подснежник сквозь снег, как бывало,
Всем напастям, ненастьям, холодам вопреки.

Я, наверно, как снег, что покорно растаял,
Что не выдержал пламени вешних лучей...
Но моя доброта не такая простая,
И разлуке с тобою я обязан не ей.

Почему и когда стал я больше не нужен —
Не дано мне понять, не дано объяснить...
Верю, будешь чиста перед собственным мужем,
Только молодость нашу не дано повторить.

Вина

Вину мою простить не так-то просто,
Но, если сможешь, ты меня прости.
И сердце усмири при боли острой,
Как прежде, надо мною подшути.

Ты — белый цвет¹ на радуге прекрасной
И краткий миг моей судьбы мужской...
Ты скрашивать умела все ненастья,
Про все несчастья забывал с тобой.

Вот потому-то славил неустанно
И твой очаг, и пламя очага...
Но был обвал в горах порой туманной,
И завалили все пути снега.

Я для тебя слагал так часто песни
И лишь тобою в час разлуки жил...
Конь прискакал. Пропал седок без вёсти,
Его в горах поток похоронил.

Дороги наши разошлись, как льдины,
Подмытые весеннею водой...
Как были в радости с тобой едины,
Так и в беде едины мы с тобой.

¹ Счастлив, кто видит белый цвет в соцветье радуги
(народное поверье).

**Я иногда безмолвно вопрошаю:
Чьим был навет, что нас разъединил?
И прошлое невольно воскрешаю,
И вспоминаю, как тобою жил.**

**Но покаяньем душу не встревожу,
Есть у судьбы заветная стезя...
Нас разлучить могила только сможет,
При жизни разлучиться нам нельзя!**

Двойное раскаянье

Я не пойму, какое время года:
Бесцветны снег, и небо, и вода...
К тебе, не знавшей горести-невзгоды,
К тебе спешу сегодня, как всегда.

Что ты нашла во мне, таком усталом,
Чем я тебя привлек и покорил?
О, если бы доподлинно ты знала,
Зачем к тебе я тропы проторил!

Да, ты чиста. Росой в цветке мерцаешь,
И я не разлучился бы с тобой...
Но твоя радость — ты о том не знаешь —
Враз обернется в будущем бедой.

Мне нечем на любовь твою ответить
И нечего отдать тебе взамен...
Хочу забыть я лучшую на свете,
Ту женщину, которой отдан в плен.

Ту женщину, с которой не поладил,
Которую, не зная как, любил.
Которую, чего не зная ради,
Забыть пытался; но не позабыл.

Как ни бунтует море беспокойно,
Но чайке не страшна его волна...
Да, ты была большой любви достойна —
Той женщиной душа моя полна!

Обманчивый покой

Нет, любовь меня не ослепила,
Мне видна неискренность твоя...
Ты другого называешь милым,
Имени его не знаю я.

Для разлада есть у нас причины,
Но спокойно в доме много дней..
Говорят, в любви добры мужчины,
Женщины в любви — еще добрей!

Одиночество

Словно жизнь подошла к концу,
Одиночество сердце сжало...
Ветер снежную гонит пыльцу,
По сугробам скользит устало.

Нынче памятью я в былом,
А на стеклах узор не тает...
Были мы когда-то вдвоем,
Мне для счастья тебя не хватает.

Спит под снежной буркой аул,
Словно камни белые — сакли.
Я бы строчкой тебя вернул,
Но и строки стихов иссякли.

Лишь дрожит на столе свеча,
И она догорит, я знаю.
В небе лунного нет луча,
И огонь в очаге затухает.

В век космических кораблей
От Земли оторваться просто...
Нет спасенья любви моей,
Жизни нет в полутьме беззвездной.

Очага огонь отпылал,
Лишь пороша шуршит по крыше.
В одиночестве я устал —
Почему ты меня не слышишь?

Весна

Увядают зеленые листья,
Клен с поникшей стоит головой.
Лишь ветров оголтелые свисты
И дождей неумолчный прибой.

Отшатнулась весна, отступила,
Одолели ее холода...
Ты ушла, ты меня позабыла,
Не вернуть мне тебя никогда.

Уходила, досаду скрывая,
Боль в притухших глазах заглушив.
Виноват ли я в этом — не знаю,
Но я памятью давнюю жив.

Может быть, ты устала до срока?
Если я виноват — то прости...
В моей сакле совсем одиноко,
И не будет весны впереди.

Что случилось и как это было,
Почему мы, расставшись, скорбим?
Ты такого — меня не любила,
Но не быть никогда мне другим.

Поздняя пора

Как время быстротечное летит!
Но боль души оно не приглушило...
Пусть молодостью я давно забыт,
Да не забыл, как ты меня любила.

Я с думою своей наедине,
А прошлое ушло и не вернется.
Мне слышно, как в печальной тишине
Бедняга муха в паутине бьется.

Уже приспела поздняя пора,
Туман на горы полог свой накинул.
Все кажется, расстались мы вчера,
На самом деле — век, наверно, минул.

Я слушаю, как стаи журавлей
Печальным криком оглашают дали...
Нет, молодости мне не жаль своей,
Мы дни ее любовью согревали.

Нет прошлого. К нему возврата нет,
Друзей и тех наперечет осталось,
Я им желаю счастья, добрых лет,
Чтобы удача с ними не рассталась.

Ну а себе?

**Тут нечего желать,
Тревожить сердце не хочу напрасно.
Мне поздно жить, но рано умирать:
Твоя любовь забвенью неподвластна.**

Картины города

Тяжелый снег сгибал на липах ветви
И засыпал асфальтовую гладь.
А в переулке трепыхался ветер,
Не в силах снегопаду помешать.

Как ивы, фонари качались гибко,
В их отблесках снежинок вился рой.
Звучал мотив расплывчатый и зыбкий,
И голоса звучали вразнобой.

Влюбленные не слышали все это,
Брели тихонько улицей ночной.
И теплых окон яркие отсветы
Плясали на холодной мостовой.

Но что влюбленным холод и ненастье,
Коль юные сердца их горячи?
Вот юноша заводит речь о счастье,
А девушка улыбочиво молчит.

Он говорит, что счастье, словно птица,
То улетит, то снова прилетит..
У девушки слегка дрожат ресницы,
Румянец на щеках ее горит.

Вслух размышляет юноша о доле:
«Путь выбирает каждый для себя,

**Не должен человек быть ветром в поле.
И надо жить страдая и любя,
И не бояться поворотов резких,
И жизнь отдать, коль надо, за других...»**

**— Смотри, смотри, какие занавески!
Как жалко, что в продаже нет таких.**

Летняя ночь

Светится сквозь ветки луна,
Еле шевелится листва.
Ночь успокоенья полна,
Звуки различимы едва.

Слышится сопенье совы
В старом побуревшем дупле.
Полосы ночной синевы
Чуть дрожат на черном стволе.

Мир вокруг почти колдовской,
Вот, искрясь, родник забурлил...
Не было бы ночи такой —
Кто бы боль души усмирил?

Прощанье

Тепловоз, словно вол, поднатужившись, стронул вагоны,
И послушно они потянулись один за другим.

Ты одна — молчалива, грустна — на шумящем перроне,
Как бы мне угадать твои чувства, приблизиться к ним?

Но не стоит гадать. Мы спасенье нашли друг от друга
В этой дальней дороге, что мне подсказала душа.
Коротка наша встреча была — будет вечной разлука,
И покатятся дни без любви и тоски, не спеша.

Гулко ветер стучит в застекленные окна вагона,
Обгоняя мой поезд, все мчатся вдоль рельсов столбы.
Я услышу твой голос на дальнем глухом перегоне —
Это сердце кричит, не желая разлучной судьбы.
Это сердце твое, позабыв про обиды былые,
Захотело меня возвратить хоть на час или два...

Но не будет возврата — отныне мы люди чужие,
Вновь я слышу твой голос — понять не дано мне слова.
То ли их заглушают гремящие дробно вагоны,
То ли сердце мое стало вдруг равнодушным таким...
Ты одна — молчалива, грустна — на шумящем перроне,
Как бы мне угадать твои чувства, приблизиться к ним?

В Латвии

Волны Балтики тяжелы,
Оседает песок прибрежный.
На холмах березы белы,
В темноте они светятся нежно.

Но усилился ветер вдруг,
Засвистел над холмами пустыми.
Снег пошел. Все укрыл вокруг —
Стали волны от хлопьев седыми.

Не дожить траве до утра,
И береза листву потеряет.
Но в природе пустых утрат
Не бывает, я это знаю.

Вновь наступят и тишь и гладь,
А к полудню снега растают..
Новым травам еще подрастать,
Новым листьям сбиваться в стан!

Завещание

Много света, солнца.

Так отратно.

Чуть трепещут листья на ветвях...
В день такой с моей могилой рядом
Ты замрешь в печали и слезах.

Для меня глаза твои погаснут,
Для меня затмится белый свет.
Смерть есть смерть...

Но в этой жизни разве

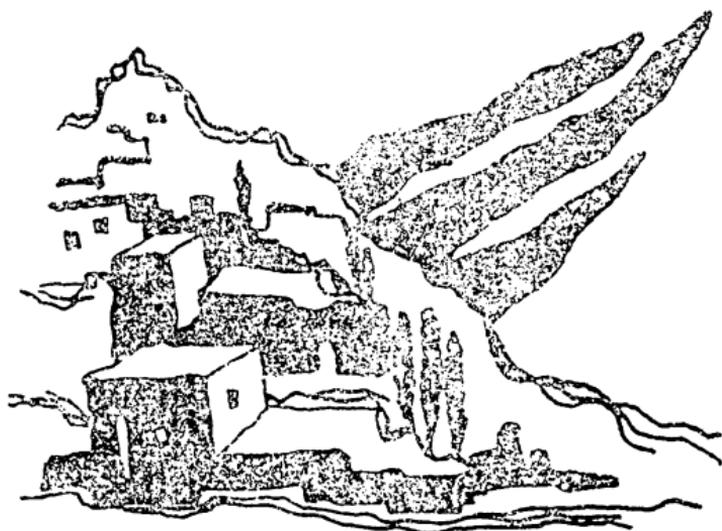
Нет любви?

Тебя, родная, нет?

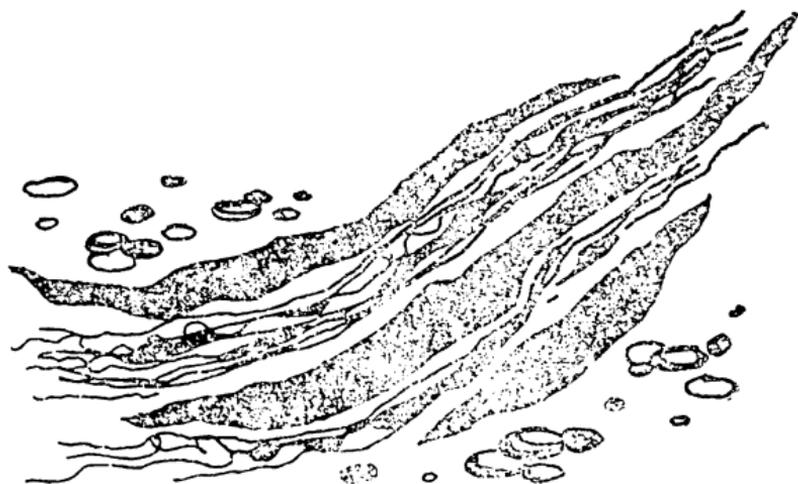
Есть любовь. И ты. И сил избыток.
Об одном тебя я попрошу,
Чтобы песни не были забыты,
Что своею кровью я пишу.
Чтоб любила ты зверье и птицу,
Их ласкала так, как я ласкал.
Чтоб могла ты солнцем насладиться,
Я его так часто не видал.

...А когда весна траву поднимет
На моем могильном бугорке,
Приходи.

Мое промолви имя —
И я вспомню то, что вдалеке.

СВЕТ ДАЛЕКИХ ОКОН

Свет далеких окон

Вновь родился месяц над горой,
Как козий рог, нацеленный на звезды.
Притих наш город в этот час ночной,
Лишь из далеких окон — ответ поздний.

В ущельях улиц за клубилась мгла,
Дома прижались крышами друг к другу.
В домах тех радость и печаль жила
И встреча, перешедшая в разлуку.

Поведает о многом поздний свет,
Что изнутри, за стеклами, желтеет:
Мать ожидает сына столько лет
И в окнах потушить огонь не смеет.

Не смеет — все надеется и ждет,
Хотя давно войны утихли грозы...
И потому она еще живет,
Что до конца не выплаканы слезы.

А молодые — радостью хмельны,
Объятья их нежны и молчаливы...
И потому все лампы зажжены,
Что нужен свет влюбленным и счастливым.

Я ведаю, как короток наш век
И как трудна порою жизнь-дорога.
И я хочу, чтоб поздний свет не мерк,
Чтоб плыл над миром месяц тонкорогий.

Поэзии

Все, все тебе я отдаю,
Ведь ты равняешь всех на свете...
И в душу темную мою
Ты, словно солнце, ярко светишь.

Перед тобой во все века
Поэты голову склоняли.
В твоей стране страда долга
И много счастья и печали.

От ритмов, что не угадать,
Бурлило сердце неустанно.
И я учился побеждать
Рок неотступный, окаянный.

Теперь же солнца меркнет свет,
Мои надежды угасают.
Нет на Земле покоя, нет,
То там, то здесь в людей стреляют.

Теперь из космоса видны
Мои поля — в них бомбой метят!
И пламенем большой войны
Грозят израненной планете.

**Теперь, когда повсюду зло,
А голос правды ложью глушат,
Поэзия, тебе дано
Будить от сна людские души.**

**Все, все тебе я отдаю,
Ведь ты равняешь всех на свете...
Так будь же воином в бою,
Будь за грядущее в ответе!**

Памятник геноциду

В 1915 году турецкие солдаты вырезали тысячи армян. В память о безвинно погибших на земле Армении воздвигнут памятник.

От каменных плит отражается звук,
Он долог, протяжен и тяжек.
Колеблется пламени тающий круг,
Но что это пламя расскажет?

Оно не расскажет. Мне помнить дано
Огня холодеющий рокот...
Здесь траурны камни. Здесь вечно темно.
Кошунственен здесь даже шепот.

Обращение Коста¹

Спесивы вы, земные боги, стали,
Хоть в ваших душах правда не живет.
Друзей вы по достатку подобрали,
Один другому беспардонно врет.

Вы — трусы по обличью и повадкам,
А трусы — души продают за грош...
Так ивы ствол, пусть гибок он и гладок,
Ни для какого дела не пригож.

У вас слова — разменные монеты,
Пускаете вы в ход их в свой чред.
Хотя никто словам не верит этим,
Ваш капиталец все-таки растет.

Пред свиньями — слепые бисер мечут,
И я на пир ваш сытый не пойду...
Не вечно зло. Ваш лживый бог не вечен —
Мы призовем к людскому вас суду!

¹ Коста Хетагуров — классик осетинской поэзии.

Диалог

— Эй, джигит! Чего ж ты в стороне?

Помоги мне неuka стреножить...

— Коль клинок не закален в огне,

То его не вкладывают в ножны.

— Что молчишь? Иль дума тяжела?

Иль боишься, что гроза подходит?..

— Вот заблещет молнии стрела,

Буду говорить при всем народе!

О счастье

**Волны с берегом яростно спорят,
Точат груды замшелых камней...
Вьется белая чайка над морем,
Волны ласково тянутся к ней.**

**Море, море?! Тебе ли ладони
К гордой птице с мольбою тянуть?
Стон твой — сердца ее не затронет,
У нее свой, неведомый путь.**

**Я найти свое счастье мечтаю
И брожу по горам сам не свой...
Чайка так же над морем летает,
Волны так же рокочат с мольбой.**

О вдохновенье

Вокруг меня застыла тишина,
И даже сердца не слышать биенья.
Но вдохновенья катится волна,
Чтоб выплеснуть строку стихотворенья.

Так облако, чуть видимое вдаль,
С собою тучу приведет к посевам,
Чтобы дожди обильные прошли
И жизнь вернули всходам поседелым.

На вкус я слово пробую, на звук,
Слагаю строки, но они так хилы...
Бывает, что табун разбрелся вдруг —
Собрать его у пастуха нет силы.

Устал мой стих, как запаленный вол,
А думы обескрылели до срока.
Что из того, что рифмы я нашел,
Что из того, что выстроились строки?

Как пахарь, зерна сеял я в поту,
Но песенных восходов не дожждаться...
Что ж, снова вдохновенья подожду,
Чтоб за перо опять с надеждой взяться.

Смерть собаки

Она лежала около дверей
Той сакли, что всю жизнь оберегала...
Жесток хозяин вовсе не был к ней —
От старости собака умирала.

Из окон сакли выбивался свет,
Хозяин принимал гостей желанных...
Баранью кость, что бросил он в обед,
Собака не хотела, как ни странно.

Не помнила она, что в давний год
От волчьих стай баранов защищала.
А белый шрам, что пересек живот, —
Свидетель ее доблести бывалой.

Она забыла, что была сильна,
Что различала мыши след во мраке...
Дрожали лапы, дергалась спина,
Хотелось поскорей уснуть собаке.

Баранья кость лежала перед ней,
Она забыла, что это такое...
Глаза ее слезились все сильней,
Она уснула, кость прижав щекою.

Раннее утро

На рассвете голос птиц приветней,
Лишь сова спешит во мрак дупла...
Если в жизни ты невзгод не встретил,
Жизнь такая — жизнью не была.

О своей сужу сегодня строго,
Слишком быстро пролетели дни,
Хоть была ухабистой дорога
И ненастья выпали одни.

Но за то, как прожил, не винюсь я,
Не за что мне юность упрекнуть.
Об одном жалею часто с грустью —
Что былое время не вернуть.

Может, смерть и счастье ходят рядом
И ко мне придут в единый час...
Быть мужчиной в этой жизни надо —
Ничего не прятать про запас.

Вспоминаю

Чуть заалел восход у кромки неба,
Но сумерки еще чуть-чуть дымят...
Бессонница. Поспать хоть часик мне бы!
Не спится — вспоминаю я тебя.

И тот декабрь. Тот тихий белый вечер.
Застыли клены в голубом снегу.
И я бегу. Бегу тебе навстречу
И скрыть свое волнение не могу.

А ты под лунным нежишься сияньем,
Прозрачная, как детская слеза.
Все наши встречи — были и прощаньем,
Но кто тогда об этом мог сказать?

И кто мог знать, что за недалёной далью
Уже разлуки видится порог?
Пусть ты смотрела на меня с печалью,
Но ты не знала. Да и я — не мог.

Твои ладони были осторожны,
Когда они моих коснулись век.
Возможно, это был тот миг?

Возможно,
В тот миг со мной прощалась ты навек.

Плач о лете

Ни птичьего гама, ни свиста,
Уж осень стоит у двора.
С деревьев осыпались листья,
От влаги набухла кора.

Что мечешься, ветер безвольный,
Как я, ты утратил покой?
Я мир повидал — и довольно,
Навек я вернулся домой.

Пробужденье

Мне снился сон, что больше ничего
Не удивляет душу человека,
Что все вокруг понятно для него,
Что мир вокруг прекрасен, полон света.

Что в океанах гладь и тишина,
Нет на Земле разрух и потрясений.
Что рядом светят солнце и луна,
Что даже в полночь не приходит темень.

Не облетает с дерева листва.
Жизнь торжествует: смерть ушла в былое.
Рай на Земле!

Кружилась голова —
Да как могло произойти такое?

Мне голос бога сладостно вещал:
«Да, это рай. К чему еще стремиться?
Я сотворил, что людям обещал.
И это явь. И это все не снится.

Изволь на совершенство посмотреть,
Твой идеал добра — перед тобою...»
— Где ж совершенство?

Совершенство — смерть!
А я хочу жить жизнью земною!..

Прощенье

Жизнь моя пусть меня пощадит
И исполнит всего два желанья:
Чтобы не было в смерти страданья,
Чтоб не помнило сердце обид.

Совершал я добро для людей,
Был любимым у гордой любимой.
Видя зло — не прошмыгивал мимо,
Злого — злостью карал я своей.

Но случалось порою и так,
Что старанья мои пропадали:
Я прощал — мне враги не прощали,
На меня поднимали кулак.

Но их радость была коротка,
Я упрямо опять поднимался.
А когда с ними снова встречался,
Без пощады разил я врага.

Но вот женской души не постиг:
Лишь одну выделял меж другими,
Да забыла она мое имя..
Я любил.

И ее я простил.

Песня о старом коне

Да, о таком коне мечтать мне стоило!
Но как ты жил, бедняга, до меня:
Стреноженным стоял ты в тесном стойле —
Не видел света белого ни дня.

Он был богат, хозяин твой.

Но все же

Овса в кормушку скупо подсыпал.
Все сетовал: «Кормить — себе дороже,
Конь слишком буйный, многих искусал».

Ты стал моим!

И даже урагану

Тебя на скачках было не догнать.
Как выручал меня ты, конь буланый,
Какая масть да и какая стать!

Вот и сейчас ты удила кусаешь,
Нетерпеливо смотришь на меня.
Ты постарел, хотя того не знаешь,
В твоих глазах нет прежнего огня.

Мой верный конь — одна лишь жизнь дается,
И ты достойно проскакал ее...
Прижмусь к тебе — как гулко сердце бьется!
Но не пойму — твое или мое?

Стихи мастера из аула Кубачи

1. Раздумья

Медленно солнце садится за горы,
Словно не хочет оно разлучаться
С доброй соседкой Землей, на которой
В чашах огромных моря серебрятся.
Реки текут и леса зеленеют,
Шапки снегов на вершинах не тают...
Я поседел. Когда люди седеют —
Это они свою старость встречают.
Много ли солнца мне в жизни осталось,
Много ль огня в очаге сохранилось?
Дело в искусные руки досталось —
Дело мое мной умело вершилось.
В чем оно, счастье!

В полете орлином,
В радости выследить пищу-добычу?
Знал ли я счастье, хоть путь был и длинным,
Знал ли я счастье в работе обычной?
В чем оно — счастье?

Иль нет его даже?
Только я руки не опускаю.
Кто мое дело исполнить мог краше?
Кто, покажите?

Такого не знаю.
Вот родничок возле ног моих льется —
Тур его выпьет всего за мгновенье...
Может быть, сон — то, что жизнью зовется,
Может, витал я в пустых сновиденьях?

II. Кинжал

С самых древних времен
Мастер славился делом...
Мой кинжал закален,
Сталь его затвердела.

Жизнь иная пришла
В наши снежные горы,
И навек погребла
Дружба
рознь и раздоры.

И никто не желал
Ни отмщенья, ни крови.
Разве я свой кинжал
Для расправы готовил?

Но сквозь зубы цедил
Мой сосед, как встречались:
«Кто меня оскорбил,
Тот отведает стали».

Мой кинжал, никогда
Не покинул ты ножны.
Неужели беда,
Вот такая, возможна?

Я об этом скорбил,
Знал соседа характер...

**Я б его упредил,
Если б дело к расплате.**

**Пчелы мед соберут,
Птицы солнце разбудят.
Пусть спокойно живут
В мире добрые люди!**

III. Седло

Горные отроги,
Яркая луна.
Гонит без дороги
Всадник скакуна.

Ветровые свисты,
Снег из-под копыт.
Бег коня неистов,
Эхо вслед летит.

На клинке —
джигита
Твердая рука.
Но куда спешит он?
Отразить врага!

Коль такая доля —
Он готов в бою
За народ и волю
Жизнь отдать свою.

Кубачинец-горец
В дедовском седле.
Значит, вражьей своре
Скоро гнить в земле.

...Пчелы мед соберут,
Птицы солнце разбудят.
Пусть спокойно живут
В мире добрые люди.

IV. Пояс

Прозрачный воздух чище слез девичьих,
И на чинарах листья зелены..
Обижен я, хоть вроде необидчив
И за собою не знавал вины.

Шла весть по горным тропам и дорогам,
Что твой жених достойней всех других,
Что у его отца богатства много..
Ну, что я, непутевый, против них?

Лишь мои пальцы гибки и умелы,
Они мелькают, пояс теребя:
Из жемчуга и золота я делал
Предсвадебный подарок для тебя.

Вплетал в него и радости, и боли,
Невидимые слезы сердце жгли..
Спешил заказчик — тут я был не волен,
Я — кубачинский мастер, бог Земли?!

Но, позабыв печали и тревоги,
В работу погрузился всей душой:
Одно я знал — среди подарков многих
Всех краше будет пояс золотой!

**Не мне, что так работал неустанно,
Вручать тебе, любимая, мой труд...
На поясе, на тонком нежном стане
Пусть мои слезы-жемчуга сверкнут!**

**...Пчелы мед соберут,
Птицы солнце разбудят.
Пусть спокойно живут
В мире добрые люди.**

V. Бог

Коль почитают совесть за бесчестье,
В достоинство лишь наглость возводя,
То, видно, бог, не на своем ты месте,
Не надобно такого нам вождя.

Кто трудится и честно, и умело,
Тому не воздается по труду.
Зато лстецы повсюду лезут смело,
И сплетни повседневные в ходу.

Да, лсть удобна. Правда — неудобна,
Но я не стапу разлучаться с ней...
Живнь на земле, пожалуй, сну подобна,
Но только радостнее и грустней.

Всем сердцем я земле родимой предан,
Без горных круч мне доли не видать.
Здесь жил и умер мой далекий предок.
И мне здесь жить.

И здесь мне умирать.

VI. Добро

Пусть не забудет отчий край о том,
Что был я верным сыном поколенья.
Ни перед богом, ни перед врагом
Я никогда не преклонял колени.

Да, уставал от долгого труда,
Но в хлебе не отказывал соседу.
И мое имя помнит тот всегда,
Кто над бесчестьем празднует победу.

Содержание

Читателю

Ир — моя родина

Иристон	
Ровесник	
Белый снег	
Этюд	
Сельская мелодия	
На кутане	
Свобода	
Песня в пути	
Одинокая собака	
В горском доме	
Отцу	
Вещий сон	
Молчаливый разговор	
О себе	
У пустой могилы	
Сыну	
Мой предок	

Ритмы сердца

Стихи прощения	
Девушка	
Откровенье	
Утрата	
Наша молодость	
Вина	
Двойное раскаянье	
Обманчивый покой	
Одиночество	
Весна	
Поздняя пора	
Картины города	
Летняя ночь	
Прощанье	
В Латвии	
Завещание	

Свет далеких окон

Свет далеких окон	
Поэзии	

Памятник геноциду	59
Обращение Коста	60
Диалог	61
О счастье	62
О вдохновенье	63
Смерть собаки	64
Раннее утро	65
Вспоминаю	66
Плач о лете	67
Пробужденье	68
Прощенье	69
Песня о старом коне	70
Стихи мастера из аула Кубачи	71
I. Раздумья	71
II. Кинжал	72
III. Седло	74
IV. Пояс	75
V. Бог	77
VI. Добро	78

Таймураз Хаджеты

(Таймураз Григорьевич Джусоев)

ГОЛОС ВЕТРА

Стихотворения

Редактор С. Агальцов

Художник С. Асанова

Художественный редактор А. Дианов

Технический редактор В. Никифорова

Корректоры В. Дробышева, Т. Люборец

ИБ № 4403

Сдано в набор 02.12.86. Подписано к печати 23.03.87. Формат 70x90^{1/32}. Гарнитура лнг. Печать высокая. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 2,93. Усл. кр.-отт. 3,08. Уч.-изд. л. 2,11. Тираж 4000 экз. Заказ 3253. Цена 25 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

390012, г. Рязань, ул. Новая, 69/12
Рязанская областная типография